

Собирая Чжу Ли в дорогу, госпожа Цинь уложила в небольшой узелок всё самое необходимое: сменное белье, целебные мази и серебро. Вытащив оттуда комплект чистой одежды, юноша протянул его У Сану:

— Держи. Всё чистое.

У Сан не спешил брать сверток. Смерив спутника долгим взглядом, он глухо произнес:

— На мне кровь. Я весь грязный.

— Пустяки, — Чжу Ли придвинул одежду ближе.

Собеседник говорил ровно, почти равнодушно, но Чжу Ли всё равно почувствовал неладное. Неужели У Сан злился из-за того, что он так бесцеремонно разбередил его душевные раны?

Наконец тот принял сверток.

— У меня в узле есть отличные притирания. Может... давай я осмотрю твои раны? — Чжу Ли невольно понизил голос, понимая, что его забота сейчас слишком походит на попытку загладить вину после жестокой взбучки.

— Не нужно, — отрезал У Сан.

Дождавшись, пока Чжу Ли выйдет за порог, он с грохотом захлопнул дверь.

От этого стука Чжу Ли невольно вздрогнул. Постояв немного на крыльце, он озадаченно приподнял брови и негромко окликнул:

— Во дворе колодец есть, если захочешь ополоснуться...

Дверь тут же снова распахнулась.

Они молча уставились на колодец посреди двора. Им явно не пользовались уже целую вечность. Вода на дне виднелась, да и бадья уцелела, а вот веревка совсем сгнила, превратившись в труху.

Чжу Ли прикинул так и этак:

— У меня есть еще вещи. Можно разорвать их на полосы, связать — вот тебе и канат.

У Сан промолчал. Лишь одарил его таким красноречивым взглядом, каким обычно достаивают законченных дураков. Без лишних слов он принялся выдергивать росший во дворе бурьян. Но раны, видно, разболелись не на шутку: сорвав лишь несколько жестких стеблей, он со стоном поморщился и опустил прямо на землю.

Ткнув подбородком в сторону зарослей, он скомандовал Чжу Ли:

— Твоя очередь. Дергай.

При мысли о том, что этот признанный мастер побегов с Горы Лазурных Облаков превратился в столь жалкое зрелище исключительно по его вине, Чжу Ли не нашел в себе сил отказать.

Надрав охапку сорняков, он принес их спутнику. Тот принялся ловко разделять стебли на волокна и свивать их в жгуты. Местная дикая трава оказалась на редкость длинной и волокнистой; не прошло и четверти часа, как в руках У Сана зазмеилась прочная бечевка. Наблюдая за этой работой с искренним любопытством, Чжу Ли подошел ближе и потянул за свободный конец. Веревка держалась намертво. Юноша невольно бросил на У Сана удивленный взгляд.

У Сан, не поднимая головы, продолжал свое занятие. Предзакатное солнце заливало дворик косыми лучами, и в этом теплом золотистом мареве его фигура казалась зыбкой, почти нереальной. Свет слепил глаза, заставляя Чжу Ли отводить взор. Он опустил взгляд на ладони У Сана — узкие, с длинными, поразительно гибкими пальцами, уже окрасившимися от сока сорняков в нежно-зеленый цвет.

Вскоре длинная веревка была готова. Едва У Сан завязал последний узел на конце, Чжу Ли перехватил самодельный канат:

— Воду я сам принесу. Подогреть? — спросил он, хотя тут же сообразил, что греть её решительно не в чем — никакой утвари в доме не осталось.

— Не нужно, — бросил У Сан. Опершись ладонями о землю, он с видимым усилием поднялся на ноги и, не оборачиваясь, скрылся в доме.

Обшарив все углы и изрядно перепачкавшись в вековой пыли, Чжу Ли наконец отыскал старую бадью покрупнее. Натаскав колодезной воды, он наполнил её до краев и занес в дом.

Заметив, что Чжу Ли медлит у порога, У Сан безучастно поинтересовался:

— Тоже мыться собрался?

Чжу Ли качнул головой:

— Нет. Я хотел спросить, не помочь ли тебе с...

— Не надо. Выйди.

Едва за Чжу Ли закрылась дверь, У Сан задвинул засов — стремительно и бесшумно.

Чжу Ли постоял на крыльце, чувствуя, как внутри вновь шевелится глухая вина. Справится ли этот упрямец в одиночку? Чтобы обработать и перевязать раны, особенно те, что на спине, нужен помощник. Как он собирается до них дотягиваться?

В этих заброшенных комнатах пыли скопилось столько, что в ней впору было сажать репу. Кое-как прибив левую пристройку для ночлега, возиться с остальными Чжу Ли не стал — всё равно они пустовали. Идти было некуда, да и оставлять пленника без присмотра не следовало. Опустившись на ступени под навесом, он запустил руку за пазуху и нащупал крошечный фарфоровый флакон. Некоторое время Чжу Ли задумчиво крутил его в пальцах, рассматривая тусклую глазурь, а затем бережно спрятал обратно.

Солнце цеплялось за верхушки деревьев, и тени наконец укрыли разложенные во дворе постельные принадлежности. Чжу Ли поднялся, потрогал одеяла — за день они успели прогреться и сделались мягкими, пышными. Собрав их в охапку, он подошел к двери и негромко постучал:

— У Сан?

Тишина. Из-за двери не доносилось ни единого звука, даже плеск воды затих.

В груди у Чжу Ли неприятно екнуло. Он позвал снова — опять ни звука. Не помня себя от внезапной паники, он с силой навалился плечом и вышиб хлипкую дверь ногой. Если этот проходимец снова удрал, он лично переломает ему обе ноги!

Но беглеца в комнате не оказалось — в том смысле, что бежать он и не думал. От грохота выбитой двери У Сан испуганно вскочил на ноги. Чжу Ли окинул его взглядом и едва сдержал рвущийся наружу смех. На сей раз его улыбка была лишена привычной светской притворности — он лишь весело прищурился.

— Ты... чего затаился? — спросил Чжу Ли.

У Сан исподлобья зыркнул на него:

— А сам как думаешь?

Чжу Ли невыразимо обрадовался тому, что его страхи были напрасны, и весело хохотнул:

— Ну... вообще-то, если не высовываться со двора, то сойдет.

Чжу Ли нельзя было назвать низкорослым, но У Сан оказался выше его едва ли не на полголовы, да к тому же куда суше в кости. В итоге чистые одежды Чжу Ли сидели на нем как на огородном пугале: штанины едва доходили до щиколоток, рукава бесстыдно задрались. Всё это в сочетании с угрюмой, хищной миной У Сана и его мокрыми, сосульками свисающими волосами выглядело уморительно.

Не удостоив его ответом, У Сан швырнул пропитанные грязью и потом обноски в бадью. Чистая вода в мгновение ока сделалась мутно-красной. Глядя на эту багровую жижу, Чжу Ли нахмурился:

— Раны-то перевязал?

У Сан стирал вещи так яростно, словно орудовал мечом. Коротко угукнув, он пару раз крутанул мокрый ком в бадье и потащил его наружу.

С черной ткани обильно капала розовая пена. Чжу Ли поморщился:

— Давай я у тётушки Чэн хоть мыльного корня раздобуду? Перестираешь по-человечески.

Тот вскинул на него взгляд, и Чжу Ли уже приготовился услышать очередное резкое «не надо».

«Не надо», «не нужно», «обойдусь» — кроме этих слов он от У Сана за последнее время ничего и не слышал. К тому же тот явно продолжал дуться из-за истории с противоядием для Лин Ци.

Однако У Сан, вопреки ожиданиям, швырнул тряпки обратно в воду.

— Иди, — буркнул он.

Чжу Ли даже растерялся:

— А воду сменить не думаешь?

Сам он, конечно, в родном поместье прачечными делами не занимался, но в скитаниях по Цзянху успел повидать всякого и в быту дураком не был.

У Сан и сам без особого удовольствия покосился на багровую жижу.

— Позже сменю, — он перевел взгляд на пышную охапку одеял в руках Чжу Ли. — Спать ложишься?

— Нет, пока не собирался, — Чжу Ли принялся аккуратно расправить постель на колченогой кровати.

— А я буду, — раздалось из-за спины.

Почуввав неладное, Чжу Ли медленно выпрямился и обернулся. Его взгляд так и лучился лукавым пониманием, и он обманчиво-мягко улыбнулся:

— Решил отоспаться, чтобы ночью со свежими силами дать дёру?

У Сан промолчал, демонстративно глядя в сторону.

Чжу Ли присел на край постели, неторопливо разглаживая ладонью мягкую ткань.

— Постель и впрямь на диво теплая, — протянул он с усмешкой. — Да только поспать тебе не придется. Сначала сходим за едой.

Смерив его яростным взглядом, У Сан круто развернулся и вышел прочь.

Солнце уже зацепилось за горный хребет. Во дворе оставался лишь крошечный островок света, и У Сан замер в нем, подставив лицо уходящему теплу.

Молодой господин Чжу давно перестал быть тем плаксивым, прилипчивым ребенком из его воспоминаний. На людях он разыгрывал благородного мужа — безупречного, мягкого, чья улыбка способна растопить самый глубокий зимний лед. Красивая маска, к которой У Сан быстро привык. Но оставаясь наедине, этот книжный юноша превращался в расчетливого и жесткого противника, бьющего без промаха. У Сан уже дважды ощутил на себе его тяжелую руку, кости до сих пор ломило от боли. Силы иссякли, и злить этого зверя лишний раз не хотелось.

Но мгновение назад, когда Чжу Ли разглаживал постель и жмурился от какого-то глупого, почти детского самодовольства, в его глазах промелькнуло что-то до боли знакомое. У Сан на миг растерялся, не зная, как себя вести. Из глубин памяти вновь невольно выплыли картины их общего детства.

Сумерки сгустились мгновенно. Чжу Ли замер у порога, не оборачиваясь:

— Можешь оставаться. Но помни: если вздумаешь бежать, я действительно переломаю тебе ноги.

У Сан провел рукой по волосам — сухие. Шагнув обратно в полумрак комнаты, он коротко кивнул:

— Не побегу.

Лишь после этого Чжу Ли ушел. Впрочем, спокойствия на душе не прибавилось: забрав у тётушки Чэн кувшин с пшенной кашей и охапку пресных лепешек, он почти бегом устремился обратно к заброшенному дому.

У Сан полулежал на кровати, привалившись спиной к сложенным одеялам. Глаза его были закрыты, но стоило крышке корзины тихонько скрипнуть, как он мгновенно подобрался и сел.

Голод — не тетка, будь ты хоть благородным странником, хоть безжалостным наемником.

Пока У Сан возился со своими обносками, наступила глубокая ночь. На весь заброшенный дом имелась лишь одна пригодная для сна кровать. Чжу Ли молча притащил из угла деревянные лавки, сдвинул их у самого входа и набросил сверху плотный дорожный плащ.

Перед тем как растянуться на своем жестком ложе, он бросил на У Сана тяжелый взгляд:

— Повторять не стану. Сбежишь — останешься калекой.

Тот промолчал. Сбросив теплое одеяло, он медленно спустил ноги с постели:

— Я могу и на ходу спать. Забирай свою кровать.

Чжу Ли хмыкнул, сощурив глаза:

— Ну еще бы. Стоя ведь куда проще дать дёру, верно?

У Сан лишь едва заметно кивнул и, не проронив ни слова, вновь зарылся в одеяла.

На столе тускло чадила свеча. У Сан краем глаза заметил, как Чжу Ли небрежным движением выдернул из волос простую деревянную шпильку и метнул ее в сторону огня. Воздушный поток мгновенно задул фитиль. Свеча даже не шелохнулась, а шпилька с глухим, коротким стуком вонзилась глубоко в рассохшуюся столешницу.

Убывающая луна в эту ночь светила на удивление ярко, заливая окрестности холодным призрачным светом. У Сан мчался вперед, выжимая из израненного тела последние крупинцы сил. То ли недосохшая одежда терла кожу, то ли едкий пот попал на свежие порезы, но спину и плечи жгло немилосердно. Времени обращать внимание на боль не было: он петлял, не разбирая дороги, бросаясь на каждую развилку, лишь бы уйти как можно дальше.

Чжу Ли ориентировался в здешних краях как у себя дома. Попытаться вернуться прежней

дорогой было чистой глупостью — поймают в два счета. Сначала нужно сбить преследователя со следа, а уже потом выбираться к Горе Лазурных Облаков.

Сколько длилась эта безумная гонка, он сказать не мог. Когда он наконец остановился перевести дух и оглянулся, позади в бледной лунной дымке виднелись лишь редкие крестьянские дворы. Ни заброшенной усадьбы, ни самой деревни уже нельзя было различить. Лишь тогда У Сан позволил себе немного расслабиться и шумно выдохнул. Раны саднило так, словно их щедро посыпали крупной солью, а иссушенное горло горело огнем.

Не успел он сделать и пары шагов, как позади раздался резкий свист рассекаемого воздуха. Сердце ушло в пятки. У Сан резко крутнулся на пятках и увидел стремительную тень меча, нацеленную прямо ему в голову. Из-за слабости уклониться чисто не вышло — он лишь неловко отшатнулся назад. Однако удар был обманным: в самый последний миг тяжелые ножны сменили направление и со свистом обрушились прямо на его подколенные сухожилия. Ноги, и без того дрожащие от усталости, окончательно подогнулись, и У Сан с глухим стоном рухнул на колени.

Чжу Ли даже не взглянул на корчащегося от боли беглеца. С тихим, зловещим свистом окованные ножны вновь взметнулись в воздух и опустились на его бедро.

— Я ведь предупреждал: попробуешь сбежать — останешься калекой.

Зажатый на земле У Сан не успел отпрянуть и инстинктивно вскинул руку, закрывая голову. Тяжелый удар пришелся точно по тыльной стороне ладони, а следом — по бедру. От этой вспышки боли в глазах поплыли круги. Руку обожгло так, словно кости разлетелись в щепки; лоб мгновенно покрылся холодной испариной.

Стиснув зубы до скрежета, У Сан вскинул голову и смерил преследователя полным ненависти взглядом:

— С какой стати я должен оставаться?!

Чем Чжу Ли отличался от сотен прочих псов, шедших за ним по пятам? Те рвали его на части ради «Книги Непостижимой Высоты» или жаждали мести, видя в нем лишь затравленного зверя. И теперь, когда он угодил в капканы к очередному охотнику, этот благородный господин смеет строить из себя праведника и корить дичь за попытку спастись!

Бешеное отчаяние в глазах У Сана заставило Чжу Ли на мгновение опешить. Медленно опустив ножны, он глухо спросил:

— Зачем ты бежишь?

У Сан криво усмехнулся, хотя в его потемневших глазах плескался лишь холодный яд:

— Неужели молодой господин Чжу тащился за мной через реки и горы вовсе не за моей головой? Неужто просто искал попутчика, дабы развеять дорожную скуку?

Да когда Чжу Ли вообще помышлял о его смерти?! Слова У Сана полоснули по живому, разжигая в груди яростное пламя. Пальцы на рукояти меча побелели от напряжения:

— Семья Ян никогда не была безгрешной! Ты вырезал их либо ради того, чтобы вернуть свое, либо... ради мести. Но это не было бессмысленной бойней! У Сан, я ведь говорил тебе: ты не чудовище, чтобы убивать без разбору!

— А я говорю тебе — чудовище! — У Сан выплюнул эти слова прямо ему в лицо. Голос его звучал глухо и твердо, словно обтесанный ледяной камень. — И даже если так... тебе-то какое дело?!

На виске Чжу Ли опасно забилась жилка. Тем не менее он заставил себя дышать ровно, хотя слова давались с трудом:

— Твоя правда. Стал ты безумным убийцей или нет — мне дела нет. Но в том, что касается бойни у Янов... Я, Чжу Цуньчжи, просто не позволю, чтобы тебя вздернули без суда и следствия!

У Сан смерил его презрительным взглядом:

— Вот оно что. Ради моего же блага ты тащишь меня обратно в Чэнчжоу? Чтобы отдать на растерзание семье Лю ради их «справедливости»? Чтобы я искупил их грехи собственной кровью?

Чжу Ли рванулся вперед, сминая пальцами ворот его чужого, широкого кафтана. Руки юноши мелко дрожали от едва сдерживаемой ярости:

— Да плевать мне на их справедливость! Я хочу добиться её для тебя! Для тебя, дурак!

У Сан со свирепой силой ударил его по предплечью, заставив выпустить ткань, и грубо толкнул в грудь:

— Мне не нужны твои милости! — прохрипел он. Опираясь о землю здоровой рукой, он с трудом поднялся на ноги и, пошатываясь, зашагал прочь.

От неожиданности Чжу Ли качнулся назад, но тут же восстановил равновесие. В два прыжка нагнав упряма, он мертвой хваткой вцепился в его плечо:

— Не нужна правда?! Решил просто сдохнуть под забором?!

У Сан рванулся всем телом — безрезультатно. В его потемневших глазах вспыхнула чистая, первобытная жажда крови:

— Пусти, тварь!

Чжу Ли подался вперед, не уступая ни на вершок:

— И не подумаю!

— Если великому праведнику Чжу так не терпится примерить венец спасителя, пусть поищет себе другую... — Договорить У Сан не успел.

Чжу Ли нанес короткий, жесткий удар мыском сапога ему в бедро. Ослабевший юноша покачнулся, теряя опору, и в то же мгновение Чжу Ли вторым ударом снес его, попав прямо в многострадальное плечо.

Рана на плече, которую Чжу Ли еще днем растревожил ударом ножен, теперь окончательно разошлась. Свалившись в дорожную пыль, У Сан сжался в комок, судорожно хватая ртом воздух и баюкая искалеченную руку.

Чжу Ли тяжело, шумно дышал. Когда гнев немного улегся, на его лицо вновь вернулась та холодная, бесстрастная маска, с которой он обычно вершил расправу. Пошарив в широком рукаве, он извлек на свет изящный фарфоровый флакон и вытряхнул на ладонь круглую, темную пилюлю.

Заметив, с чем именно приближается его мучитель, У Сан из последних сил замахнулся, метя локтем Чжу Ли в челюсть. Тот легко уклонился. Секунда — и пальцы Чжу Ли железными тисками сомкнулись на подбородке пленника. С силой надавив на суставы, он заставил У Сана раскрыть рот и бесцеремонно протолкнул пилюлю глубоко в горло. Невзирая на яростные удары ослабевших кулаков, Чжу Ли наглухо зажал ладонью его рот и нос, заставив сделать судорожный глоток.

Поскольку Чжу Ли сидел навалившись сверху и был занят делом, уклоняться от ударов он не мог. Беспорядочные пинки и замахи У Сана градом сыпались на его спину и плечи. Будь тот в своей обычной форме — от Чжу Ли мокрого места бы не осталось, но сейчас в ударах раненого сквозило лишь бессилие. Эти толчки могли разве что оставить на теле пару новых синяков.

Поняв, что проиграл, У Сан скользнул взглядом по бедру Чжу Ли и замер. Меч. Оружие висело в опасной близости.

В его глазах полыхнула дикая, звериная решимость. Пальцы мгновенно сомкнулись на холодной рукояти. На таком расстоянии никакое мастерство не требовалось — простая геометрия смерти. Выдергивая клинок из ножен, У Сан умышленно наклонил лезвие так,

чтобы оно распорол Чжу Ли живот.

<http://bllate.org/book/20387/2162640>